

Пендериди Эврика

**Мир
Айсенов.
Аргирокс
Сильверворд**

18+

Пендерида Эврика Мир Айсенов. Аргирокс Сильверворд

<https://litres.ru/74121361>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аргирокс Сильверворд — полукровка, сын убитой королевы Айсенов и смертного. Проклятое королевство СулусКингдом ждёт своего Принца Тьмы, а пока наследник пепла и теней вынужден скрываться в мире людей. Выросший в жестоком монастыре, он мечтает лишь об одном — отомстить королю Айсенов за смерть родителей и обрушить золотую завесу AugumVelum, отделяющую его проклятый дом от мира живых.

Но его душа отмечена печатью Госпожи Смерти, Дианы, которая требует любви, подчинения и вечности. В поисках способа снять метку Аргирокс встречает смертную девушку — ту, чья душа оказывается чище света, а сердце — храбрее самой тьмы.

Любовь к смертной становится его проклятием, его гибелью и его единственным спасением. Ради неё он готов разрушить королевства, бросить вызов самой Смерти и потерять всё, что имеет. Даже собственную жизнь.

История о потере и обретении, о жертве и надежде, о том, что истинная любовь не умирает даже тогда, когда её стирают из памяти.

Содержание

Пролог:	5
Глава 1.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Пендериди Эврика

Мир Айсенов.

Аргирокс Сильверворд

Пролог:

Я — часть той силы, что вечно хочет зла
и вечно совершает благо.

И.В. Гете «Фауст».

Я — Аргирокс Сильверворд. Сын убитой королевы Айсенов Ксинтарии ХардСоул, чья голубая кровь смешалась с горячей алой кровью смертного. В мире людей я ношу имя Александр Дрейк. Я принц проклятого королевства Сулус-Кингдом — принц без трона, наследник пепла и теней.

Когда-то, в незапамятные до проклятия времена, Сулус-Кингдом было прекраснейшим из жемчужин смертных королевств. Его белоснежные башни пронзали небеса, сады благоухали лунными цветами, а воздух звенел от музыки фонтанов. Правил им мой дядя, король Альтаирис Сильверворд — мудрый и справедливый. Моим же отцом был его брат, Эйраара Сильверворд, принц с фиалковыми глазами, бледной кожей, отливающей лунным серебром, и волосами цвета расплавленной платины. Он был столь невероят-

но добр и столь ослепительно прекрасен, что сама бессмертная королева Айсенов Ксинтария ХардСоул, позабыла о вечности, увидев его. Она не устояла перед чарами простого смертного мужа и отдала ему своё сердце — без остатка, безрассудно, навсегда. Но её супруг, король Вильдор Мэйфлаур, не простил измены. Его ярость была холодна, как первый лёд древнего океана, и беспощадна, как лезвие жертвенного кинжала. Он убил мою мать и моего отца, а некогда цветущее королевство разгромил, выжег и проклял. Жители его не умерли — нет, смерть была бы милосердием. Они превратились в слуг — мёртвых грешников, чьи души пригвождены к вечно гниющей плоти, чьи стоны сливаются с ветром, а пустые глазницы видят лишь тьму. И в довершение всего Вильдор Мэйфлаур запечатал королевство за золотой завесой AurumVelum. С виду — сияющая пелена, словно расплавленный свет, но на деле — непроницаемая клетка, отрезающая проклятые земли от мира живых, точно заражённую рану, которую прижгли раскалённым золотом.

В тот день магия начала покидать мир людей — медленно, мучительно, навсегда. А тёмные существа, голодные, отчаянные, чувствуя, что смертные перестали в них верить и приносить кровавые жертвы, один за другим скользили сквозь завесу AurumVelum в поисках нового дома. Проклятые земли приняли их с распростёртыми объятиями — тёмная энергия здесь пропитала каждый камень, каждый вдох. Так вампиры, чьи мраморные лица не отражают луны; суккубы, чей

смех сулит безумие; тёмные эльфы, чьи клинки выкованы из застывшей тени; мелкие демоны, снующие в щелях реальности; гарпии с голосами плакальщиц; веталы, выющие гнёзда в костях; минотавры, поклоняющиеся лабиринтам боли; нимфы, чьи поцелуи ядовитее цикуты; сатиры, чей хохот переходит в хрип, и многие иные, кого память отказывается именовать — вся эта тёмная братия дружно расселилась по моему королевству. Они обживали болота, где блуждающие огни заманивают души в зыбучие могилы; дремучие леса, где деревья шепчут запретные имена; вулканы с обширными лавовыми полями, где сам воздух дрожит и истекает багровым жаром, а на склонах цветут хрустальные цветы, питающиеся пеплом. Проклятые земли приняли их, потому что тьма тянется к тьме, и зло наконец обрело новый дом. Но зло, как ему и положено, порой просачивалось за пределы золотой завесы и устраивало кровавую пирушку среди заблудших смертных.

В мире людей остались разбросанные по тайным хранилищам тёмные запретные книги в переплётках из человеческой кожи. И всегда находились души с гнильцой внутри — алчные, мстительные, развращённые. Они выводили дрожащей рукой призывные знаки, и существа из СулусКингдом проскальзывали в щель между мирами, чтобы осуществить их чёрные делишки. Но расплата была неизбежна и кровава. Цена за такие услуги — душа. После смерти она разлагалась, менялась, корежилась и превращалась в одного из прокля-

тых, чтобы навеки поселиться в моём королевстве, пополняя легион тьмы. Так росло население моего мира — не по праву рождения, а по праву вечного проклятия.

Многие Айсен, что повелевали тенями и тёмной энергией, остались жить на проклятых землях. Они не были изгнаны, не были сломлены — они стали хранителями хрупкого равновесия в мире магии. Отныне они звались ShadowDominus, что на языке Айсен означает «Повелители тьмы». Прекрасные, бессмертные, с кожей, отливающей мертвенной синевой, и глазами, горящими как уголья, они несли в жилах древнюю голубую кровь, холодную и густую. Каждый носил в подвеске кристалл, что резонировал именно с той бездной, которой этот Айсен управлял: кровавый рубин для воли, сапфир мрака для забвения, обсидиан для теней, изумруд ледяного пламени или фиолетовый аметист искажённых снов. Приумножая силу носителя, эти камни служили одновременно и ключом, и якорем. ShadowDominus восстановили оплавленные руины замка короля Альтаириса Сильверворд, возведя башни из чёрного мрамора и обсидиана, устремившиеся шпилями в вечно сумеречное небо. По купцам, словно жемчуг из разорванного ожерелья, они собирали тёмные знания в запретную библиотеку, где книги шепчут сами с собою, а в воздухе плавают пыльца ереси. И они ждали, затаив дыхание, в котором не было нужды, часа, когда в их мире явится Принц Тьмы, тот, кто объединит проклятое королевство и возглавит жуткий парад теней.

Мой дядя, брат-близнец моей матери, Айсен Ксельмар ХардСоул, спрятал меня от гнева короля Айсенов в мире людей. Ведь я был частичкой убитой королевы: от неё мне достались волосы, тёмные как беззвёздная ночь, и упрямство, свойственное Айсен. Но моя душа была чиста и незапятнанна, в венах текла кровь смертного отца, и в проклятом королевстве мне не было места. Меня укрыли среди тех, кто не верит в чудовищ, не зная, что однажды я вернусь.

Однако сам Ксельмар не мог ступить на человеческую землю. Для чистокровного Айсен всё, что создано смертными — от пряжки ремня до колыбельной, от пыли дорог до печатных страниц — губительно, как кислота для лёгких. Ему оставалось только наблюдать издали: сквозь трещины между мирами, через отражения в чёрных лужах проклятого королевства. Ни прийти, ни коснуться, ни прошептать, ни помочь.

Мой мир ближе, чем вы думаете. Тёмная сторона есть у каждого — она дышит в затылок, нашёптывает, развращает сердца даже самых невинных на свете, растлевает их изнутри, пока они не становятся готовы призвать нас или пополнить наши ряды.

А пока запомни: меня зовут Аргирокс Сильверворд. Полукровка, сын убитой королевы и обречённый стать Принцем Тьмы. Моя кровь — это остывающая заря, моё дыхание — предвестие ночи. И это лишь начало моей истории.

Глава 1.

Я вырос в мужском монастыре святого Валентина. Моё детство, увы, было далеко не безоблачным — оно напоминало серую полосу, где радость тонула в тени строгих правил и жёсткой дисциплины. Я был обычным мальчишкой: непослушным, озорным, вечно жаждущим вырваться из каменных оков монастырской рутины.

Со мной в монастыре жили ещё семь мальчишек — таких же беспризорников, как и я. Каждый из них хранил в душе свою невысказанную боль, свою историю утраты. Несколько из них, чуть старше, уже готовились принять монашеский сан — их лица, будто выцветшие от бесконечных молитв, казались старше своих лет. В глазах читалась покорность, смешанная с затаённой тоской, словно они уже смирились с судьбой, которая навсегда разлучит их с миром.

Но дружбы между нами не было. Мы существовали рядом, как тени в лабиринте, — замкнутые, настороженно, поглощённые собственными страхами. Система монастыря намерено разъединяла нас: наказания, тяжёлый труд, бесконечные молитвы не оставляли места для доверия. Я оставался один — одинокий мальчишка в каменном лабиринте, где даже смех казался запретным.

Нас пороли за малейшее непослушание — жестоко, до кровавых отметин, до крика, разрывавшего тишину камен-

ных стен. Наказания проводились публично, чтобы страх закрепился в каждом сердце. Кожа горела, слёзы смешивались с пылью монастырских коридоров, а мы, мальчишки, стискивали зубы, чтобы не выдать свою боль. Жизнь в монастыре ощущалась как заточение: высокие каменные стены, словно лезвия, врезались в серое небо, а петляющие коридоры, тонущие во мраке, напоминали лабиринты, откуда нет выхода.

Факелы чадили, оставляя на светлых камнях сальные черные полосы — шрамы, оставленные временем и отчаянием. Воздух здесь пропитался запахом гари, ладана и влажной штукатурки, от которого кружилась голова. Каждый шаг эхом отдавался в пустоте, будто сам монастырь следил за нами, шептал предостережения сквозь щели разошедшихся дверей.

Дни тянулись монотонно: ранний подъем, молитвы до лопоты в коленях, тяжёлый труд, который называли «послушанием». Свободного времени не было — любое мгновение без дела считалось грехом.

Возглавлял обитель настоятель — Винамин де Ашрис. Пузатый, властный, он носил белоснежную рясу, которая сверкала, как лезвие ножа, подчеркивая его высший сан. Это был человек суровый, фанатично набожный, с лицом, красным, как раскалённый кирпич, — казалось, злость и напряжение навсегда въелись в его кожу.

Его маленькие масляные глаза, голубые и бегающие, будто мыши, пронизывали до костей. Они скользили по нам, маль-

чишкам, словно выискивая в наших душах самые тёмные, самые грешные уголки. Маленький рот кривился в усмешке, а писклявый голос, резкий, как удар хлыста, разносился по часовне, заставляя нас дрожать.

Он заставлял нас молиться — долго, истово, пока голоса не срывались, пока колени не начинали ныть от холода каменных плит, пока в глазах не темнело от монотонности молитв. Мы склоняли головы, но мысли мои уносились прочь — к свободе, к лесу, к реке, где можно было хотя бы на миг забыть, что значит быть запертым в этом каменном мире.

Лес манил прохладой, шелестом листвы и запахом смолы. Я бегал туда, когда удавалось ускользнуть от бдительных глаз монахов, — чаще всего в одиночестве. Иногда я замечал, как другие мальчишки крадутся к реке, но они держались поодиночке, словно страх перед наказанием разъединял нас сильнее каменных стен. Эти минуты были кратки, но становились островками жизни посреди серой пустыни монастырского быта. Я строил плотины из веток, слушал шёпот ветра, мечтал о побеге — и всегда оставался наедине с собой, с собственными мечтами, которые никто не разделял.

Иногда я мечтал, что однажды сбегу навсегда — уйду в мир, найду семью, стану кем-то иным, не послушником, не узником. Но страх перед наказанием и неопределённостью внешнего мира удерживал меня. Я разрывался между надеждой и отчаянием, между жадной свободой и осознанием собственной беспомощности.

Я был обучен письму и латыни — наставники пророчили мне большое будущее в ордене, словно видели во мне искру, способную зажечь алтарь. Но эти слова звучали как насмешка в мире, где тело изнывало от труда, а душа — от отчаяния.

Днём мы трудились не покладая рук на благо благочестивых монахов — наши ладони мозолились, спины ныли, а колени дрожали от усталости. Чистили конюшни, таскали воду из колодца, подметали дворы, пока спина не начинала ныть, а руки не покрывались мозолями; мыли и убирали кельи, стирая руки до крови, пока кожа не превращалась в лоскутки, прилипавшие к деревянным половицам; работали на кухне, помогая поварам, — выполняя самую грязную работу, будто наши жизни не стоили ничего, кроме служения.

Особенно мучительной была чистка котлов, в которых варили пищу. Эти котлы были огромны — в них запросто помещались двое мальчишек лет шести, целиком. Нам приходилось лезть внутрь практически голыми и скрести стенки железными мочалками. Мочалки раздирали кожу, оставляя багровые полосы, которые потом гноились, а мы, стиснув зубы, продолжали работать, чтобы избежать еще более жестокого наказания.

Питались мы скудно: краюха чёрствого хлеба и кружка ледяной воды — вот и весь наш рацион. Монахи утверждали, что такая пища очищает юные сердца, укрепляет веру, берегает от «мирских соблазнов». Но мы знали, что голод лишь точил нас изнутри, как червь точит дерево, оставляя пусто-

ту, которую не заполнить молитвами.

Часто настоятель вызывал в свою келью кого-то из старших мальчишек. Они возвращались понурыми, с потухшими глазами, молчаливыми, будто сама душа была выжжена. Никто и никогда не рассказывал, что творилось за закрытыми дверьми его кельи — тайна эта висела над монастырём, как грозовая туча, готовая разразиться молнией в любой момент.

Но среди этого мрака был один лучик — мальчишка чуть младше меня по имени Айрис. Я привязался к нему, как к родному брату, оберегал, делился последней крошкой хлеба, укрывал от чужих взглядов. Часто брал вину за его проступки на себя — его хрупкое тело не выдержало бы тех жестоких пороков, которые устраивали в назидание.

Особенно жесток был Василий де Брэйк — правая рука настоятеля. Они были родом из одного городка на севере королевства франков, и, казалось, их связывала не только власть, но и какая-то тёмная, невысказанная связь.

Василий напоминал мне ворона: чёрные глаза, тёмные волосы, крючковатый нос, похожий на острый клюв. Его хищная улыбка, будто вырезанная из камня, не сулила ничего хорошего. Если его взгляд задерживался на тебе, жди неминуемой порки — спина заживала месяцами, а шрамы, словно следы когтей, напоминали о его «заботе». Темно-красная ряса делала его похожим на исчадие ада, вышедшее из самого пекла, чтобы терзать наши души.

И только один из ещё послушников жалел нас, сирот, и тайком от настоятелей подкармливал нас — порой на праздники украдкой угощал леденцами, которые, казалось, таяли не во рту, а в самом сердце, оставляя робкий проблеск радости. Он был единственным, кто проявлял к нам хоть каплю тепла: его звали Николас Серингхоуп.

Худощавый мужчина в коричневой рясе, подпоясанной простой бечёвкой, он выглядел частью этого строгого, но милосердного мира. Его большие серые глаза с коричневыми крапинками смотрели на нас, несчастных бедолаг, с такой искренней теплотой и жалостью, что на мгновение весь холод монастыря, казалось, растворялся под этим взглядом. Тёмные волосы, аккуратно зачесанные, придавали ему смиренный вид — вид человека, который смирился с нерушимостью монастырских порядков, но чьё сердце оставалось открытым для сострадания.

Однажды Айрис тяжело заболел. Он лежал в крохотной комнатухе для сирот, где воздух, пропитанный запахом болезни и безысходности, казался густым, как туман. Лихорадка сжигала его изнутри: лицо Айриса стало бледным, почти прозрачным, губы потрескались от жажды, а дыхание вырывалось прерывисто, будто каждый вдох давался ему с мучительным усилием.

Комнатушка напоминала тесное узилище: пыльное окно едва пропускало тусклый свет, а по краям стояли ветхие двухэтажные кровати, скрипевшие при малейшем движе-

нии. Перины, набитые жестким сеном, кололи спину, а дырявые шерстяные одеяла, скудные и изношенные, не могли согреть даже в самый тёплый день.

Я сидел рядом с Айрисом, тихо всхлипывая, и моя прохладная ладонь безнадёжно скользила по его пылающему лбу. Его пересохшие губы изредка шептали что-то бессвязное — обрывки снов или мольбы о спасении. Я чувствовал себя беспомощным, словно утёнок, затерявшийся в бурных водах: не в силах облегчить страдания друга, не в силах изменить судьбу.

В этот миг послушник Николас, словно тень, возник в дверном проёме. Его шаги были бесшумны, а голос — мягок, как шёпот ветра:

— Мне жаль, — произнёс он, склонив голову. — Я буду усердно молиться за душу Айриса. Но если ты хочешь попытаться помочь ему, есть способ. Сходи в лес и собери кедровые иголки. Из них можно приготовить отвар — возможно, он немного облегчит его страдания.

Его слова, как луч света в крошечной тьме, пробудили во мне искру надежды. Но вместе с ней пришел страх — страх перед лесом, перед неизвестностью, перед гневом настоятелей.

— Только помни: это наш с тобой секрет, малыш Александр. Иначе нам обоим не избежать жестокой попки, — добавил он, понизив голос.

— Да, послушник, — ответил я, с трудом сдерживая

дрожь. — Я постараюсь добыть эти... треклятые хвойные иголки.

— Не просто иголки, — мягко поправил он, — а именно кедровые. Будь осторожен: не заблудись в чаще — лес коварен, особенно в одиночестве. И оденься потеплее: хотя осень ещё не вступила в полную силу, ветер уже пронизывает до костей.

Я молча кивнул, чувствуя, как сердце колотится в груди. Натянул потрёпанную куртку, которая хранила в себе все шрамы моих прошлых приключений, и поспешил к стене монастыря. Там, в зарослях ежевики, скрывалась тайная лазейка — путь в мирскую суету, запретный, но манящий своей призрачной свободой.

Ветер, холодный и резкий, хлестал по лицу, будто пытаюсь остановить меня, но я упрямо шагал вперёд, сжимая кулаки. Мир вокруг растворялся в серой дымке осеннего дня, а впереди простирался лес, ставший моим единственным шансом спасти друга.

Я огляделся, затаив дыхание, прежде чем пролезть сквозь узкую дыру в каменной стене. «Вроде монахи на полднике... Надеюсь, не заметят моё отсутствие!» — нервно подумал я, сжимая кулаки. Сердце колотилось, будто бешеный барабан, отбивая ритм тревоги.

Я побрёл к кромке леса, каждый раз нервно оборачиваясь — спина будто горела от воображаемых взглядов. Порка, неизбежная и жестокая, маячила перед глазами, как тень

палача: если кто-то из монахов обнаружит моё бегство, наказание будет суровым.

Осенний лес встретил меня шёпотом опавшей листвы и густым ароматом земли, пропитанной дождями. Золотисто-красные деревья, словно древние исполины в праздничных одеяниях, возвышались вокруг, отбрасывая длинные тени. Я шел, замирая от восторга, и жадно вдыхал холодный, кристально чистый воздух — такой резкий контраст с затхлым монастырским смрадом, где вечно витал запахи пота, ладана и сырости.

Наконец я нашёл кедровое дерево — высокое, могучее, будто страж, охранявший тайные сокровища леса. Я вскарабкался на него, царапая ладони до крови, но боль казалась ничтожной по сравнению с мыслью о том, чтобы помочь Айрису, облегчить его мучения хоть на миг.

Нарвав хвои, я начал спускаться — и тут ноги предательски подогнулись. С глухим стуком я рухнул на землю, вылетев из ветвей, как птица, потерявшая крылья. Поднявшись, я потёр ушибленный бок, скрипя зубами, и, задрав рубаху, увидел, как на коже стремительно расцветает синяк — тёмно-лиловый, будто след от удара судьбы.

— Вот чёрт подери! — выругался я вслух, резко одергивая рубаху. Синяк пульсировал, но я лишь махнул на него рукой — ерунда по сравнению с миссией.

Вернувшись к каменной стене, я замер, вслушиваясь в тишину монастыря. Ветер доносил далёкий гул голосов, запах

еды, скрип дверей. «Так, вроде все спокойно...» — прошептал я, с трудом сглатывая ком в горле. Собрав остатки смелости, я проскользнул в лаз, двигаясь бесшумно, как мышь, и пригибаясь, словно тень, скользящая по земле.

Каждый шаг к нашей комнатушке казался вечностью. Я скользил вдоль стен, задерживая дыхание, пока не оказался в безопасности — или так мне казалось.

И в ту же секунду меня, словно железными клешнями, схватил монах Василий де Брейк. Его грубые пальцы впились в воротник, и он с рывком поволок меня к столбу, хрипло причитая:

— Ах ты ж, щенок! Шляешься без дела? Сейчас я проучу тебя для профилактики, чтобы другим и в голову не пришло отлынивать от работы!

— Пусти! Мне надо в комнату для сирот! — вырываясь, выкрикнул я, но его хватка лишь усилилась.

— Ещё и огрызаться будешь, мелкий гаденьш?! — проревел монах, дёрнув меня так, что хвойные иголки, спрятанные за пазухой, высыпались и с противным шуршанием смешались с грязью монастырского двора.

Затем Василий грубо привязал меня к столбу, с треском сорвал куртку, а следом разорвал рубаху надвое, обнажая спину. Когда он заметил хвойные иголки, ярость исказила его лицо — он принялся втаптывать их в грязь, яростно топча сапогами.

— Так ты ещё и по лесу шляться вздумал?! За колдовски-

ми травками, муравками? — взревел он, с лязгом снимая с пояса плеть. — В святой обители нет места бесовской науке! Только слово Божье — вот наша опора! — выкрикнул он, взмахнув плетью. Та со свистом обрушилось на мою спину, и я вздрогнул, стиснув зубы. Ни всхлипа, ни стона — я не проронил ни звука, хотя боль раскалённым клином вгрызлась в плоть. Это лишь раззадорило монаха, и его глаза вспыхнули звериной злобой.

— Молись, щенок! — проревел он, вновь занося плеть. — Только молитва кающегося грешника поможет тебе теперь. Говори: кто надоумил тебя идти в лес?!

— Я сам! — выкрикнул я сквозь стиснутые зубы.

— О, не лги мне, щенок! — рывкнул он, хлестнув еще раз. — Кто-то явно подтолкнул тебя! За ложь я выпорю тебя вдвойне, а потом запру в келье для послушников! Три дня и три ночи ты проведёшь в раскаянии, вымаливая свои грехи! Слышишь, паскудник мелкий?! Три дня и ночи!

Боль пульсировала в такт бешено колотящемуся сердцу. Я едва различал слова сквозь красный туман, застилавший глаза. Сжал челюсти до хруста, мысленно приказывая себе не проронить ни слезинки, ни вскрика. Давать слабинку нельзя — если я заплачу, монах совсем озверевает, и тогда...

Каждый новый удар плети прожигал спину, оставляя багровые полосы. Я стискивал кулаки, чувствуя, как земля уходит из-под ног, а сознание мечется между реальностью и тёмной бездной обморока. Но я держался — держался изо всех

сил, чтобы не дать Василию де Брейку увидеть мою слабость.

После жестокой порки Василий де Брейк втопил меня в крохотную келью, грубо швырнул на ледяной каменный пол и с лязгом захлопнул дверь, оставив в крошечной тьме.

Келья оказалась узкой, гнетущей клетушкой с единственным оконцем под самым потолком — зарешеченным, словно клетка для птицы. Здесь не было ни кровати, ни намёка на уют — лишь жалкий соломенный тюфяк, сваленный в углу, будто насмешка над понятием «утешения». Сырой воздух пропитался запахом плесени и безысходности.

Я скорчился на голых камнях, вслушиваясь в затихающие шаги монаха. Лишь когда последний отзвук эха растворился в тишине, я позволил себе обмякнуть, а затем заревел — глухо, яростно, как раненный зверь, загнанный в ловушку. Слезы катились по щекам, смешиваясь с засохшей кровью на спине, а грудь содрогалась от рыданий, которые, казалось, выжигали душу дотла.

Когда силы иссякли, я свернулся калачиком, вжавшись в угол, и провалился в тяжёлый, беспокойный сон, полный мутных кошмаров.

На рассвете меня разбудил тихий, глухой шёпот.

— Александр! — донеслось из-за массивной деревянной двери. Голос послушника Николаса дрожал, будто он сам едва сдерживал слёзы. — Эй, ты слышишь меня, малыш? Как ты там?

— Здесь! — прохрипел я, с трудом приподнимаясь и при-

жимаясь лицом к шершавым доскам. — Как Айрис? Что с ним?!

— Прости, Александр... — Голос Николааса сорвался.— Айрис не выдержал. Лихорадка забрала его на рассвете. Мне так жаль, малыш... Я буду неустанно молиться за упокой его души...

Эти слова ударили, как удар хлыста. Я замер, задыхаясь, будто из груди вырвали последний глоток воздуха.

За дверью стихли шаги, но я ещё долго лежал рядом с дверью и не мог пошевелиться, пока не затихли шаги послушника. В голове у меня бил набат. Я не мог плакать, а просто лежал, распластавшись, на холодном каменном полу.

Через три дня один из послушников выпустил меня и отправил к остальным мальчишкам в комнату для сирот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.